

1.2 О замыслении – преуговлении очерка.

Сложна тема и не знаю, хватит ли сил соотнести в слове совершенно различные пространства смыслов, способов их выражения, - о художественном из-ображении неизобразимого естества Бога, о Божественном проявлении непознаваемого по существу, но приоткрывающегося в образе по благодатному произволению Первообраза... Держась

церковного кормила, уповаем на благоволение, на снисходительное со-изволение к нашей немощи, на позволение Божье, - и усилимся размыслить об образах, как живописных, так и словесных, имея пред собою фресковые иконы Феофана, столь верный ориентир в рассуждениях. Веруем Господу и вос-принимая образы Феофановой кисти, как великолепные следствия неложного опытного прикосновения автора, мастера живописи к Неведанному, находящемуся «по ту сторону» видимого предела познаваемости. Тонк вопрос этого прикосновения, даже сама постановка его пред собою является предметом Богословского видения мира и мировоззрения, то есть зрения человека, части мира тварного, несущего в себе образ Бога, - на мир Божий, на Самого Творца. Тут в пору бы говорить об образе деятельного видения и помышления человека о Боге, в согласии – сотрудничестве человека с деятельным воззрением Бога – на мир Свой. В пору вести речь и о личной приемлемости, допустимости для себя человеком хотя бы возможности этого прикосновения, сотрудничества со своим Творцом, с личным Богом, доверяющемся и раскрывающемся человеку. Конечно же, помышлять и рассуждать об этом без вероятного ущерба и духовной опасности, возможно лишь в русле общецерковного уразумения и опыта, которые позволяют возможность прикосновения к Богу – через посредство образа Его. Более того, церковный опыт ставит самой целью человеческого существования – стяжание Бога, принятие Его, усыновление Ему, о-Божение человека. И всё это – не как некие фигуры речи об умозрительных отвлечённых блужданиях чистого разума, но задачи насущные, быть может и не требующие излишних рассуждений о них, но действия и личных движений к Отцу Небесному. Общецерковный опыт облегчает и нашу малую задачу, снимает проблему личного выбора в разрешении вопроса о постижимости, либо непостижимости Бога – снимает великим соборным определением и воспринятой радостью о торжествующем православии, торжествующем в принятии образа – как области живого, проникновенного окна взаимного общения Бога и человека.

Какова же цель этого сочинения, этого труда, принятого нами на себя добровольно и поначалу, может быть, не вполне осознанно. Уже ли целью - восполнить многогласие изливающихся мнений об образе... вступить на чьей – либо стороне в столкновениях и противоречиях околонучных суждений... затеять ли некую полемику и влиться ею в треск сокрушаемых словесных копий вокруг замечательных живописных творений, составляющих, быть может, самую сердцевину, насущнейшую глубину безценного сокровища, унаследованного нами от благочестивых предков... Отнюдь, не такова наша цель, сформулировать которую мы едва ли сможем внятно. Но не один только пустой и горделивый полемический задор, энтузиазм рвения к спору движет нами в столь тяжком усилии рассмотреть, осознать, разобраться, вынести для себя из увиденного и осознанного хоть бы какие – то крохи, пользующие нисколько, а точнее бы сказать – частицы единого на потребу, пусть и недостойному - мне, - на потребу. И как не вспомнить тут евангельской притчи о питательных крохах, падающих со стола трапезы – псам, алчущим этих крошек, и неизменно возвращающихся на свою блевотину – от неутолённой алчбы. Милостив Господь, не мерую насыщает Собой алчущих. И смеем уповать: не по достоинству земных деяний – милует. Вот и образы феофановой кисти – распознаём подобными частицами безмерно насыщающей трапезы Господней. И сколь значимо творение Феофана - столь же преизобильно возрастает вокруг рассматриваемых образов число произнесённых слов, количество исписанных страниц, - в пору бы прочесть их и тем успокоиться, разобрать для себя мнения иных людей и встретить живописные образы лицом к ликам с неким

сформированным в себе обобщённым многоголосым суждением о них. Уже ли это не приемлемо, не приносит искомого утоления, не находит внятного отклика в глубинах нашего существа? Чем, либо кем не приемлемо? Самочинной ли гордыней, дерзающей разобраться само-стоятельно? Воспрянувшим ли ото сна образом Божиим в моём естестве, зетенённом от рождения, восставшем сонно, взбодрившимся вдруг – перед образом живописанным? И всё же, смеем помыслить и высказать, что слишком раз-общены с личным – моим – восприятием красочно многотиражно изданные, широко растиражированные к 600 – летию от создания - высказывания и писания об образах Феофана, - раз-общены с тем, что усиливается непосредственно запечатлеться в нас, подходящих к этим изображениям, непосредственно воздействующим и действительно изменяющим нас. Употребив множественное «мы» - так надеюсь на ближних, неведомых ныне, сочувствующих, со-гласных, единомысленных, единосердечных... неведомых ныне. Прочитываемые тексты научных суждений так зачастую словно бы оказывают сопротивление, противоречат, надмеваются над нами, отстраняются от нас в научной высоко-мерной отчуждённости. Научные суждения об образе изливаются словно бы извне пространства теплоты личного взаимоотношения, личного взглядывания образа Божьего в человеке - в свой Первообраз через окно иконы. Повторимся, рассуждая так, проживая так личный опыт общения с этим иконным «окном», мы вправе говорить лишь только о своём личном опыте, не слишком уж обобщая его и не дерзая как-либо отвергнуть осудить, обсуждая, иные, в том числе, научные суждения. Именно говоря об опыте личном, смеем высказать, что запечатлевание образа в человеке, впечатление человека образом, как неким раскалённым тавром – печатью, - в некоем смысле - порабощает образу впечатлённого человека. Понимаем так, что если человек в существе своём – творение Божие, творение по образу Божьему и по вере своей – Божий раб, несущий в своём естестве Божий образ, то прикосновение к иному образу того же Бога... к человеку ли иному, к образу ли рукотворному и Боговдохновенному - становится необычайно близким, желанным средством, способом, этапом на пути деятельного оживления, откровения образа Божьего в самом себе, деятельного во-ображения человека в Бога через открывающийся и распознаваемый Божий образ... через образ, творимый человеком, уподобляющемся Богу. Скажем совсем уж дерзновенное: о возможности преображающего во-ображения на пути уподобления человека Богу перед Его образом, через откровение этого образа человеком и для себя – и в себе, в личных глубинах через образ рукотворный, живо-писанный... через Боговдохновенный – образ. Это ли не путь возможного молитвенного живописания образа Бога в себе по образу – иконе. Это ли не пример самой возможности творческого акта - воссоздания образа Бога в человеческой сокровенной тишине, представшей перед образом Бога в иконе. Быть может, именно такие задачи деятельно осуществлялись традиционной православной практикой общих и частных молитв. Быть может, именно такие задачи неосознанно пробуждаются в человеческой отзывчивой образу глубине и поныне, как зов Божий, - понуждают, просят к осуществлению, когда предстоишь перед образами Феофановой кисти. Стоишь безгласный, напрочь лишённый всяческого куража внешних суждений перед совершающимся внятно и осязаемо. Воспоминая позже эти свои личные ощущения, пытаюсь на остывшую голову как-то разобраться в них, ясно осознаёшь, что всяческие последовательные компиляции из чужих научных мнений, исследований об этих образах для личного уразумения, личного «преображающего воображения» - знание почти пустое, занятие почти бесплодное. А сами научные нагромождения мысли и слов, изыскательские деяния, - словно бы происходили на дальней, холодной планете, весьма

удалённой от живого и светоносного образа. Не устоим спокойными, отстранёнными вблизи таковых задач и помыслов, усиливающих проистечь от переполняющих сердце чувств и не удержим возникающих отзывчивых слов, да не порвут они изнутри, - пусть себе льются слова распознавания и благодарности, хоть бы «в стол». Дозволим себе вослед за святым Иоанном из Дамаска, - отнюдь не помышляя об уподоблении высотам его благодатных суждений, но вдохновляясь ими, - дозволим себе пред образом – «пришпорить неукротимого коня своего языка».

Среди писаний, созданных вблизи, либо по поводу произведений живописи Феофана Грека, если обратимся к ним, - обнаружим множество противоречий. И в собственных рассуждениях едва ли избежим их. Противоречия нагромождены отчасти во времена откровенного без-Божия, когда, может быть, и нельзя было излагать и опубликовывать мысли иначе, как исполняя приказ на уничтожение, унижение, выхолащивание сокровенного, на придание гуманистического окраса общему ходу суждений о том, что не вполне, так сказать, гуманистично, но Божественно и духовно в первую очередь. И в обез-Боженной научности, как и в себе самом, грешном, распознаём, что всё человеческое естество, не один лишь высокомерно эстетсвующий ум, склонный к отвлечённой рассудочности, - просится к осознанию и словесному выражению перед иконой. Словно бы расцерковлённая душа – вспоминает о своём природном христианстве. И оживает человеческая природа, пробуждается к новому – личному рождению перед образом Рождества, к личной преображённости перед образом Преображения, к воскресению – перед образом Сошествия во ад... – пробуждается с ощущением жажды Бога перед образом света Божественного. И как избежать противоречивости в самом этом стремлении человеческих несовершенств. И где же оно, совершенство, вне Самого Бога. Даже путь к Нему – не что иное, как Он Сам. Словно бы заранее извиняя свои несостоятельность и противоречия суждений, стремясь избегать их, допускаем, что и Феофан, великий мастер живописания и религиозный гений – пусть и вне личного совершенства, но, несомненно, на верном личном пути к Богу, – веруем так перед образами его кисти. Принимаем к этому Пути вслед за мастером, благодарно и с трепетом.

На ползком пути ни света - ни дна, ни смысла – ни цели.
Всё топи, да тлен, куда ни сверни... куда ни взгляни.
Вот: камень – молчун, на нём – письменна и муж – перед ним, -
Уже ли прочтёт, вос-примет своё, пойдёт – неужели...
Напрасной стезёй... В уме ли душа, коль силище в теле.
Сойди же с коня, усталый жилец, под камнем – усни,
В усенье своём не внемли шумам подспудной возни.
Сырая земля – как мать - прильнёт, к твоей колыбели.

И вот – поцелуй преискренних уст, объятье корней.
В росистых слезах горячему лбу ни мира ни смерти.
Вникает Любовь, как тёплый завет, как жизнь наяву.
Отверсты глаза простору небес над плоскостью дней.
Восставший – гряди на голос живой, пред небом в ответе.
На вопли полей – претрепетный Дух вникает в траву.